

16. Repaci F. A. La finanza pubblica italiana nel secolo 1861—1960. Bologna, 1962.
17. История дипломатии. М., 1965. Т. 3.
18. Storia d'Italia. Torino, 1976. Vol. 4. Т. 3.
19. Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах, 1922—1935. М., 1979.
20. Gerarchia.
21. Petersen J. Hitler e Mussolini. La difficile alleanza. Bari, 1975.
22. История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1.
23. Carocci G. Appunti sull'imperialismo fascista negli anni '20 // Studi Storici. 1967. N 1. P. 126, 136—137.

В. П. ГАЗИН
Каменец-Подольский пединститут

ГЕРМАНСКИЕ МОНОПОЛИИ И ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1925—1932)

После принятия в 1924 г. «плана Дауэса» германский империализм усилил действия, направленные на подрыв Версальской системы и ухудшение положения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Активизации великодержавных стремлений Веймарской республики способствовала антисоветская политика мирового капитализма. Ненависть к СССР заставила правящие круги Англии и Франции пригласить Германию в Локарно, чтобы через некоторое смягчение политики «выполнения» покончить с германской политикой «вынужденного балансирования» между Востоком и Западом, сложившейся в первой половине 20-х гг. в результате изгнания Германии из круга великих держав и на основе принципа мирного сосуществования государств с различной общественной системой, провозглашенного Великим Октябрем. Локарнские соглашения создали реальные предпосылки ликвидации версальских постановлений на Востоке и означали коренную переориентацию Запада на Германию в антисоветских планах. А малые страны, составлявшие так называемый «санитарный кордон», теряли свои первоначальные функции: сдерживать «натиск большевизма» и «держать Германию под шахом» [1. С. 17]. «В Локарно,— писал Э. Тельман,— господа Версаля объединились с капиталистами побежденной Европы для подготовки агрессивной войны против СССР» [2. С. 190].

Договорное привязывание Германии к антисоветским альянсам рассматривалось Англией и Францией как собственный успех. А попрание в Локарно законных интересов Польши и Чехословакии правящие круги Германии восприняли как личную удачу, как сигнал к разрушительным действиям на Востоке. «Потерянное на Западе осталось потерянным, и было бы бессмысленным играть сегодня с идеей войны против Франции»,— говорил министр иностранных дел Веймарской республики

Г. Штреземан после Локарнской конференции [3. S. 194]. Но на Востоке, считал он, «появилась возможность возвращения немецких земель» [4. С. 347]. Выбор между «бессмысленностью играть сегодня с идеей войны против Франции» и «возможностью выиграть немецкие земли на Востоке» был сделан в пользу последнего. В Локарно получила свое развитие линия Штреземана, известная как доктрина «мирной ревизии», которая была проявлением агрессивности германского империализма в период, когда Германия «не могла изменить границы силой оружия» [5. S. 190]. Поэтому, приходил к выводу Штреземан, «мы должны получить наши позиции... через качественные и количественные показатели германской промышленности» [6. S. 139]. И здесь на первое место выдвигались влияние и сила германских монополий.

Использование экономики как главного орудия внешней политики обуславливало усиление влияния монополий на государственный аппарат. Внешнеполитическая линия правительств Веймарской республики не просто одобрялась промышленниками, она ими вырабатывалась, формировалась. От политических стремлений таких монополистических групп, как «ИГ Фарбен-индустри», АЭГ, «Сименс», определявшихся интересами прибылей, зависли судьбы договоров и соглашений. С таким положением дел в германском государственном аппарате советские дипломаты столкнулись в конце 1925 г. во время переговоров о заключении торгового договора. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин удивился тому, «что, по мнению германского посольства, частные интересы нескольких весьма ограниченных в объеме своей деятельности германских фирм и граждан способны создавать благоприятную или неблагоприятную атмосферу для договора...» [7. Т. 8. С. 545].

Рост безраздельного влияния монополий на внешнюю политику Германии усиливался по мере развития самой промышленности. И государственный аппарат постоянно чувствовал их давление. Успехи или неудачи во внешней политике стали мерилем отношения монополий к правительству. В письме из Сан-Ремо больной Штреземан писал в 1929 г. депутату рейхстага профессору Камо: «Внешняя политика встречалась с восторгом, когда она, казалось, имела успех» [6. S. 241]. Под успехом подразумевалось восстановление германских позиций в Европе и мире, создание условий для нового раунда борьбы за мировое господство. Все же в Германии понимали, что решение этих вопросов возможно только при учете всех слагаемых международного положения, создавшегося с расколом мира на две системы.

Пресса монополистического капитала излагала установки и программы промышленников и банкиров, подсказывала веймарским правительствам способы достижения целей. Так, «Дойче Бергверксайтунг» 28 ноября 1926 г. писала: «Следует принять решение о том, чтобы сознательно использовать экономику в

интересах немецкой внешней политики, укрепить ее положение там, где она сама не в состоянии найти опору собственными силами. Серьезных затруднений, мешающих общности интересов и совместной работе политики и экономики, не существует» [8. S. 32—33]. Таким образом, ставилась задача преодолеть противоречие «между экономической силой Германии и относительной политической слабостью» [9. S. 114].

Таможенная война против Польши (1925—1934) — наглядный пример того, как германские монополии во главе с рейхсбанком руководили антипольской кампанией веймарских правительств, принимали в ней самое непосредственное участие. Германский империализм ставил две цели: убедить мировое общественное мнение в «нежизнеспособности» Польши и, используя межнациональные связи империалистического мира, изолировать ее. Таможенная война строилась на зависимости польского промышленного (особенного сырьевого) и сельскохозяйственного сбыта от германского рынка. Принимался во внимание колониальный характер прежнего развития экономики на польских западных и северных землях, насильно ориентированной на обрабатывающую промышленность Германии, неразвитость польского машиностроения, отсутствие рынков сбыта угля и металлов [10]. Так, в 1924 г. 60,4 % полуфабрикатов металлургии польской части Верхней Силезии шло в Германию, 26 — в немецкую Верхнюю Силезию, 9,1 — оставалось на внутреннем рынке и только 2,2 % — в Польше [10]. Лишив Польшу рынков сбыта, Германия надеялась удушить ее экономику, развалить польское государство и достичь политических целей экономическими средствами.

Когда в июне 1925 г. вице-президент Польского банка Ф. Млынарский искал финансовую помощь в США, президент Рейхсбанка Я. Шахт, мобилизовав свои связи, доказывал американским банкирам, что их деньги не должны способствовать развитию национальной экономики Польши, Чехословакии и Югославии. Главное было убедить западных банкиров в нецелесообразности предоставления Польше займов до тех пор, пока последняя не уступит Германии в пограничном вопросе. Когда в августе 1925 г. польский министр иностранных дел А. Сквиныньский отправился за океан в поисках займов, немецкий посол в США А. Ф. Мальцан по поручению МИД объехал ведущих американских банкиров Моргана, Канна, Шиффкреха и нарисовал им печальную картину состояния польской экономики. Такие же поручения получили немецкие дипломаты в Англии, Голландии и других странах. Успех акции был несомненен. Миссии Млынарского и Сквиныньского закончились неудачей. Одновременно Шахт известил Г. Диаманда, депутата польского сейма и члена делегации на переговорах о торговом договоре, что финансовое оздоровление Польши возможно только в согласии с Германией [11. S. 86, 88]. Но «пока вопросы

Коридора и Верхней Силезии не решены, Германия не в состоянии предоставить займы» [11. S. 35].

Активность Шахта не знала предела. Он колесил по заокеанским и европейским столицам, убеждал, просил, доказывал, что никто так хорошо не знает трудностей Польши, как Германия, и только немцы знают, как оздоровить ее экономику. Оценка президентом Рейхсбанка ситуации стала основой практической деятельности германского МИД. Рейхсбанк, непосредственно представлявший интересы монополий, не просто действовал в тесном контакте с правительственными органами, а руководил акцией, выполняя несвойственные ему функции. Имеющиеся документы позволяют установить факт приоритета монополий во внешнеполитических кампаниях веймарских правительств. Как правило; МИД следовал советам Шахта. Так, в беседе с британским послом в Берлине лордом д'Аберноном, датированной 24 декабря 1925 г., начальник Восточного отдела МИД Г. Дирксен повторил тезис Шахта: «Германское правительство не может принимать участие в финансовом оздоровлении Польши без политического оздоровления», под которым понималась передача Германии Коридора и Верхней Силезии [11. S. 72].

В конце 1925 — начале 1926 гг. Шахту и МИД удалось склонить американских и английских банкиров к мнению: предоставить Польше помощь только в кооперации с Рейхсбанком при условии, что вопросы Коридора и Верхней Силезии «найдут» разумное урегулирование» [9. S. 133]. А директор Федерального Резервного Банка в Нью-Йорке Б. Стронг рекомендовал полякам войти в тесный контакт с Шахтом, т. е. советовал принять условия германских монополий.

В 1926 г. западные державы продолжали занимать интригующую позицию по отношению к германским проектам ревизии границ, что рождало определенные надежды в Берлине. Директор Английского банка М. Норман и министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен соглашались, что немецко-польский пограничный вопрос — главный вопрос европейской политики вообще и что успокоение в Восточной Европе наступит только с его ликвидацией. Кстати, уже тогда бытовала практика, много лет спустя применявшаяся ФРГ в виде доктрины Хальштейна, согласно которой отношение Германии к другим странам определялось их позицией в вопросе о германских претензиях к Польше [11. S. 200].

Антипольская акция была хорошо скоординирована. МИД постоянно держал в курсе дела германские посольства в Лондоне и Вашингтоне, давал инструкции, принимал сведения, и после совещаний с представителями монополий, в первую очередь с Шахтом, вырабатывалась совместная программа действий.

Уже в середине 1926 г. Шахт был уверен, что даже небольшого займа Польша не получит, и считал необходимым наращи-

вать давление до тех пор, пока она «не созреет для пересмотра границ в соответствии с нашими требованиями, а мы не укрепим в достаточной мере свою мощь» [12. С. 249]. Таким образом, Шахт не исключал возможности корректуры границ вооруженным путем, но полагал, что с этим наиболее вероятным способом надо пока «повременить» [11. С. 245]. Но для этого надо создавать тяжелую обстановку и напряженные отношения, довести Польшу до совершенно беззащитного положения. Такие мысли Шахт высказал, например, в беседе со статс-секретарем МИД К. фон Шубертом 17 апреля 1926 г. Ровно через два дня в телеграмме германскому послу в Лондоне Штреземан писал: «Мирное решение польского пограничного вопроса не будет достигнуто, если экономическое и бедственное финансовое положение Польши не достигнет крайней степени и весь польский государственный аппарат не очутится в состоянии крайнего бессилия. Без этого ни одно польское правительство не пойдет на мирное взаимопонимание с нами в пограничном вопросе» [11. С. 364]. Штреземан выражал удовлетворение прогерманскими настроениями влиятельных английских кругов, верил, что содействие Англии — необходимая предпосылка решения германопольского пограничного вопроса мирным путем [11. С. 363]. Не здесь ли заложены основы политики канализации германской агрессии на Восток в интересах международного капитала?

В своих выводах и утверждениях Штреземан постоянно ссылался на Шахта как на заинтересованное и очень авторитетное лицо. Вслед за ним он считал, что если англичане и американцы начнут финансовое оздоровление Польши, Германия должна принять в этом активное участие, чтобы «влиять на ход событий в соответствии с нашими стремлениями» [11. С. 364]. Со своей стороны Шахт воспринял штреземановскую программу «мирной ревизии», которая больше всего отвечала политике «выполнения», к ней с пониманием относилась реально мыслящая часть германских монополистов.

В 1927 г. Шахт вкупе с МИД продолжал создавать антипольские настроения среди деловых кругов Англии и США. Их поддерживало министерство экономики рейха, представлявшее внутри правительства специфические интересы германских промышленников [13. С. 122].

Все же германские монополистические и правительственные круги, рассматривая ситуацию под углом зрения своих собственных интересов, переоценивали свои возможности и явно недооценивали остроту межимпериалистических противоречий, а также не принимали в расчет отводимое Польше место в антисоветских планах империализма. Проволочка Запада была следствием их двойственного подхода к Германии: с одной стороны, она виделась как наиболее подходящий партнер в борьбе против СССР, с другой стороны, как опасный соперник в капиталистическом мире. Займы Польше удалось отсрочить, посеять сом-

нения в их целесообразности, но не больше. В 1927 г. Польша получила 72 млн дол. [9. S. 135], что далеко не соответствовало потребности и было компромиссом, сущность которого заключалась в том, чтобы и дальше склонять Германию к активизации агрессивной политики на Востоке, в то же время не отталкивая окончательно от себя Польшу.

В таком ключе понятно сообщение Шахта Штреземану 6 апреля 1927 г. о готовности Рейхсбанка участвовать в международном кредите Польского банка [14. S. 129—130]. Более подробно свое мнение Шахт изложил в письме Штреземану от 30 апреля 1927 г., из которого следовало, что Германии важно играть роль посредника между Польшей и банкирами Англии и США. Было бы неплохо, подчеркивал Шахт, чтобы Польша очутилась в финансовой зависимости от Германии [14. S. 378].

Посредничество между англо-американскими банками и странами Центральной и Юго-Восточной Европы давало бы Германии возможность влиять на их экономику и торговлю. Напротив, страны региона были серьезно обеспокоены политическими последствиями экономического преобладания Германии [14. S. 379]. На такой основе мог сложиться союз малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Когда в 1927 г. Польша предприняла попытку добиться гарантии своей западной границы, предложив в Лиге Наций план Восточного Локарно, малые государства были готовы поддержать польское предложение [15. S. 185]. Но Чемберлен заявил, что Англия не желает брать на себя никаких гарантий. К нему присоединился министр иностранных дел Франции А. Бриан. Восточное Локарно не состоялось.

Затянувшаяся на долгие годы таможенная война против Польши не приносила Германии желаемых результатов, и 31 октября 1929 г., отказавшись от ряда взаимных претензий, Германия и Польша пошли на Ликвидационное соглашение, подписанное вразрез с желаниями некоторых немецких монополистов, потерявших в Польше часть своих капиталов. Ликвидационное соглашение вызвало ожесточенные споры среди правящих кругов Германии. Дело дошло до того, что рейхсканцлер Г. Мюллер и министр юстиции Т. Герард вынуждены были оправдываться тем, что соглашение навязано Германии извне [13. S. 160]. Случай наглядно демонстрировал не только силу монополий, но и бессилие правительственных инстанций, часто пытающихся убедить общественное мнение в самостоятельном и независимом ведении государственных дел. Министерства финансов, экономики, иностранных дел руководствовались исключительно указаниями Имперского союза германской промышленности. Интересно, что на переговорах по плану Юнга в 1929 г. германскую делегацию, руководимую Шахтом, представляли промышленные и финансовые магнаты: директор «Ферейнигте Штальверке» А. Феглер, коммерческий директор Импер-

ского союза германской промышленности Л. Кастль, банкир К. Й. Мельхиор.

Завязавшаяся по плану Юнга дискуссия, в которой крайне правые элементы монополистического капитала представляли А. Гитлер и А. Гугенберг, свидетельствовала о том, что штрессемановская политика «мирной ревизии» уходила в прошлое. Правые требовали решительного изменения методов внешней политики Германии, склонялись к террору внутри страны и агрессии вне ее [16. S. 205—206]. Все же основная часть монополистов в то время считала такой шаг преждевременным и чреватым опасностями. Вот почему Г. Лютер, занявший пост президента Рейхсбанка вместо Шахта, подавшего в отставку из-за несогласия с планом Юнга и Ликвидационным соглашением, пытался добиться единства в рядах монополистического капитала.

Обе группы монополий — представители тяжелой промышленности, с одной стороны, и химической, электротехнической — с другой, — стремились преодолеть начавшийся экономический кризис 1929—1933 гг. путем развертывания производства вооружений. И если первая группа, менее зависимая от импорта и экспорта, отбрасывая всякий внешнеполитический такт, стояла за форсированное производство вооружений, то экспортная и импортная зависимость побуждали вторую группу монополий «к осторожному курсу во внешней политике», к медленному темпу перевооружения [17. S. 100—101]. В частности, «ИГ Фарбениндурии» еще не вышла на рубежи крупного производства синтетического бензина и каучука. Поэтому вторая группа немецких монополий особенно стремилась укрепить торгово-экономические позиции Германии на внешних рынках, прежде всего в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Заманить страны региона в «великое экономическое пространство» можно было только путем открытия германского рынка для сельскохозяйственной продукции Балканских и дунайских стран. Но этому курсу противоречило стремление юнкеров к аграрной автаркии Германии. В 1932 г. была сделана попытка устранить трения между автаркистскими поползновениями аграриев и стремлением промышленности к увеличению экспорта в страны Центральной и Юго-Восточной Европы путем аграрной картелизации, которая гарантировала государственные цены на отечественную сельскохозяйственную продукцию.

Все же общая цель — борьба против рабочего класса внутри страны и переход к политике реванша на международной арене — отодвигала на задний план расхождения между основными группировками германской монополистической буржуазии. Выдвинутая ими на правительственные рубежи в 1930 г. партия Центра провозгласила своей внешнеполитической целью борьбу за равные права, что понималось как «постепенное приближение к статусу великой державы» [18. S. 131]. Сформированное 30 марта 1930 г. правительство Брюнинга, за которым стояли

представители преимущественно новых отраслей промышленности («ИГ Фарбениндустри», АЭГ и др.), было первым непарламентским правительством, начавшим демонтаж режима Веймарской республики с постепенной заменой его фашистской диктатурой.

Не ослабляя натиска на Польшу и Чехословакию, германские монополии усилили подготовку экспансии в Юго-Восточную Европу. Для этого имелись определенные предпосылки. Уже в 1922 г. доля Германии в торговом обороте Чехословакии и Венгрии составляла больше 40 % [12. С. 216]. Этому содействовал и аграрно-сырьевой характер экономики Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Греции, Албании, Турции. В их импорте готовые изделия составляли 62,8 %, а в экспорте — только 8,8 % [19. С. 130]. Югославия, Румыния, Болгария, Венгрия ежегодно поставляли на мировой рынок 4—5 млн т зерна. Их импортные возможности зависели от продажи зерна, а самым емким зерновым рынком в Центральной Европе была Германия.

В записках германского МИД от 7 июля и 26 августа 1930 г. развивался тезис о временном преимуществе немецкой экспансии на Юго-Востоке как первой фазе «нового европейского порядка» [20. S. 52, 56]. Аннексия Австрии признавалась теперь более важным и первостепенным делом, нежели борьба за Польский коридор [20. S. 52].

По-видимому, записки МИД готовились длительное время и были плодом долгих размышлений в высоких сферах правительственных и монополистических кругов. Экономика и здесь выступала главным орудием. В письме Гитлеру 9 июля 1931 г. промышленник Э. Стиннес писал: «Не фразами и бряцанием сабли можно достичь внешнеполитической цели, а сознательным подчинением внешней политике политики внутренней... Мне кажется, расширение немецкого пространства на Восток и Юго-Восток возможно в настоящее время не передвижением границ, а заключением таможенных союзов» [5. S. 222].

Натолкнувшись во время мирового экономического кризиса на узость рынков сбыта, монополии, в свою очередь, толкали правительство на осуществление идеи «Срединной Европы», спешно готовили австро-германский таможенный союз, который считали «идеальнейшим вступлением к решению срединноевропейской проблемы» [21. S. 590], «первой фазой таможенного соглашения с Чехословакией, Австрией и Венгрией» [22. S. 263], «ключом к дальнейшему экономическому освоению Юго-Востока» [23. 1927. 10. Mai]. В беседе с советским послом Н. Крестинским, касавшейся увеличения Германией закупок зерна в странах Юго-Восточной Европы в ущерб СССР, Штретземан заявил: «Мы ведь должны овладеть румынским рынком» [7. Т. 11. С. 596].

Заклучив в 1929 г. преференциальный договор с Румынией,

Германия дала понять, что она готова подписать такие же договоры с Болгарией, Югославией и Венгрией [7. Т. 14. С. 465]. В конце 20-х — начале 30-х гг. договоры, содержавшие принцип наибольшего благоприятствования, были подписаны с Болгарией, Югославией и Венгрией, что свидетельствовало о повороте Германии лицом в сторону Юго-Восточной Европы и о возрастании влияния группы монополий во главе с «ИГ Фарбениндустри» на правительства Веймарской республики. Договоры рассматривались «как необходимое следствие расширения немецкого экономического пространства на Юго-Восток» [21. С. 592].

Договорное регулирование хозяйственных отношений с Балканскими и дунайскими странами, по замыслу германских правящих кругов, должно было заложить основы для немецкой торгово-экономической экспансии в регионе [24. С. 50]. Договоры преследовали прежде всего политические цели. Взвешивая обстановку в Центральной и Юго-Восточной Европе, правящие круги Веймарской республики не находили особых препятствий для осуществления своих целей. Среди государств Малой Антанты, делали вывод в Берлине, нет согласия, их экономическая структура — серьезная помеха для создания прочного союза, они конкурируют друг с другом в экспорте зерна, а бедность экономики Румынии и Югославии — препятствие для сбыта чехословацкой промышленной продукции [25. С. 169]. Поэтому политические и хозяйственные круги Германии считали Юго-Восточную Европу наиболее слабым местом сопротивления германским планам расширения «жизненного пространства», категорически противились планам образования там всяких пактов и объединений без участия Германии, подозревая, что они могут стать серьезной помехой для германской восточной политики, контуры которой уже тогда просматривались в опасной для европейского мира форме.

Так было, в частности, в 1932 г. с планом Тардье, в котором руководители Германии усмотрели попытку Франции экономически укрепить Малую Антанту, привязать к ней Австрию и Венгрию, «создать исключительное положение для чехословацкой промышленности в дунайской области за счет вытеснения Германии» [7. Т. 15. С. 262]. Заручившись тем, что «Австрия будет действовать только в согласии с Германией и не примет участия ни в каком объединении, которое бы исключало Германию»¹, немцам удалось убедить английское правительство, что план Тардье не может решить проблемы дунайских стран, а германский план преференциальных соглашений между этими странами, с одной стороны, Германией — с другой — единствен-

---

¹ Тезис из выступления в Лиге Наций австрийского канцлера Шобера в сентябре 1930 г. отражал позицию правящих кругов Австрии [См.: 23. 1930. 23. Sept].

но реальный путь экономического оздоровления дунайских государств [7. Т. 15. С. 263—264].

Таким образом, во второй половине 20-х — начале 30-х гг. с помощью иностранных займов произошло быстрое восстановление могущества германского империализма, и экономическая мощь германских монополий стала определяющим фактором формирования внешнеполитического курса веймарских правительств. Конечный результат начатой германскими монополиями «мирной экспансии» в Центральную и Юго-Восточную Европу проявился в подчинении и порабощении германским фашизмом стран региона в годы второй мировой войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. **Lehmann H.** Die Weimarer Republik: Darstellung und Dok. München, 1960. S. 17.
2. **Тельман Э.** 7 ноября — новая историческая эпоха: Избр. статьи и речи, 1919—1928. М., 1957.
3. **Bismarks Erben (1890—1945).** Deutschlands Weg von Wilhelm II bis Adolf Hitler Von Martin Göhring. Wiesbaden, 1959, S. 194.
4. История дипломатии. М., 1945. Т. 3.
5. **Weltherrschaft in Visier: Neue Dok. B., 1975. N 71. B.**
6. Цит. по: **Stresemann G** Schriften. B., 1976.
7. ДВП СССР.
8. Цит. по: **Sonter R.** Der neue deutsche Imperialismus. Hamburg, Berlin, 1928. S. 32—33.
9. **Habedank H.** Die Reichsbank in der Weimarer Republik. B., 1981.
10. См.: **Vossische Zeitung.** 1924. 21 Mai.
11. **Akten zu deutschen auswärtigen Politik 1918—1945 (ADAP).** Ser. B. Göttingen, 1967. Bd. II/I. N 28.
12. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сб. статей по истории так называемого «Дранга нах Остен». М., 1965.
13. **Puchert B.** Der Wirtschaftskrieg des deutschen Imperialismus gegen Polen 1925—1934. B., 1963.
14. ADAP. Ser. B. Bd. 5. N 61.
15. **Höltje Ch.** Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem 1919—1934.
16. **Deutsche Reichsgeschichte: Dokumente 1849—1934.** Leipzig, 1934. Bd. 3. N 74. S. 205—206.
17. **Hörster-Philips U.** Grosskapital, Weimarer Republik und Faschismus // Die Zerstörung der Weimarer Republik. Köln, 1977. S. 100—101.
18. **Berndt R.** Die Aussenpolitik der Regierung Brüning im Dienste Monopole // Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945. 1966. S. 131.
19. **Grabska W.** Ekonomiczna ekspansja Niemiec na Wschod w latach 1870—1939. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1964. S. 130.
20. **Ruge W., Schumann W.** Die Reaktion des deutschen Imperialismus auf Briands Paneuropaplan 1930 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1972. N 1. S. 52, 56.
21. **Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945.** N 71.
22. **Brüning H.** Memoiren 1918—1934. Stuttgart, 1970. S. 263.
23. Frankfurter Zeitung.
24. См.: **Misstrauische Nachbarn.** N 12. S. 50.
25. См.: **Wierer R.** Der Föderalismus in Donauraum. Graz; Köln, 1960. S. 169.